

ПРОЩАНИЕ

Зингерман, или Мир искусств

Меня при каждой встрече с ним поражало то, что мы снова и снова живем одними родственными мыслями. Это и по его словам. Я стал более одинок.

Александр ВОЛОДИН

Мне посчастливилось долгие годы работать вместе с Борисом Исааковичем Зингерманом. Это был человек высокой культуры во всем — в науке, в стиле жизни, в человеческих отношениях. Думаю, что хорошей дружеской атмосферой наш небольшой коллектив зарубежного сектора Института истории искусств был во многом обязан ему. Присутствие Зингермана облагораживало.

Что говорить о его научных заслугах? — его книги говорят сами за себя, мимо них не сможет пройти ни один серьезный гуманитарий, в какой бы области ни работал. Творческий диапазон Бориса Исааковича был широк — кроме своей основной профессии театроведа, активного участника театральной жизни Москвы, он был знатоком русской и зарубежной литературы, изобразительного искусства. О чем бы он ни писал, всегда трактовал свой предмет с глубоким знанием дела, без малейшего налета дилетантизма. Что особенно важно, всегда находил оригинальную, не заемную точку зрения. А по форме, по языку его труды стоят на уровне хорошей литературной прозы. Я была старше его по годам, но перед ним чувствовала себя школьницей. Своими замечаниями и советами, деликатными и ненавязчивыми, он помогал мне до самых последних дней — как, вероятно, и многим другим.

При всей своей чуткости к современному и новому в искусстве, Б.И.Зингерман был продолжателем лучших традиций русской культуры, которым сейчас грозит опасность быть захлестнутыми потоком низкопробной коммерческой продукции. Уход Зингермана — неожиданный, непредвидимый — наносит невосполнимый ущерб не только искусствоведению, но и общей культуре нашей страны.

Нина ДМИТРИЕВА

Масштаб потери нам еще предстоит осознать. Ушел человек, ученый, исследователь, возможно, единственный в России обладающий стратегическим мышлением. Кажется, что такие способности в области театрального искусства вовсе необязательны. Тем более, что все пространство забито вертлявым и суетным, сиюсекундным и скандальным — время востребовало именно это. За это платят. Этого ждут.

Ушел огромный человек, обладавший редчайшим даром независимости. Ушел свободный человек. Горный. Может быть, горный человек. Ушел человек — вершина. Я не думаю, что ему не нужны были деньги. Или он не понимал приятность славы, почестей, должностей, власти. Он был мудрецом и прекрасно во всем этом разбирался. Просто был щепетил и честен и лучше всех нас понимал цену исчезающего времени. Как Чехов. По крайней мере, его размышления о Времени в драматургии Чехова — еще непонятое нами и, конечно, недооцененное открытие.

Открытий было много. Они совершались в тишине, в уединении. В почти отшельнической жизни, особенно в последние годы. Но ведь он же не был отшельником. Он замечательно хохотал, был толстым, казался ленивым, обломовообразным человеком, был острым как бритва, любил футбол, боготворил семью, и, как мне кажется, обожал женщин. Может быть, он был просто гением?

Дорогой, великий Борис Исаакович! Где вы?

Леонид ХЕЙФЕЦ

Писать о нем, казалось бы, просто: все крупно, открыто и постоянно. Родился в 1928 году в Одессе. Закончил ГИТИС; защитил кандидатскую диссертацию о Шекспире. Лет семь работал в журнале "Театр", а с 62-го и до конца дней — в одном и том же Институте, который назывался прежде Институт истории искусств, а ныне — Государственный институт искусствознания. Писал статьи и книги, редактировал сборники, воспитывал аспирантов; занимался XX веком. Имел одну семью — жена, дочь, внук. Все это, однако, поверху,

Не стало Бориса Исааковича Зингермана — крупнейшего историка искусства. Внезапно, хотя он и был болен. Душа с этой потерей не смиряется, да и вряд сумеет смириться.

сухая справка для какого-то ведомства — о ком угодно и не о нем.

Зингерман был цельной и мощной натурой, со своим особым стилем мышления, творчества, отношения к миру и людям. Ни с кем не спутаешь, не сравнишь. "Гений" — называли его между собой коллеги без всякой иронии, без зависти, с любовной улыбкой. "Гений" — казалось бы, само слово все проясняет и объясняет, а вот поди ж, объясни.

Как объяснить то, что, никуда не выезжая, он по гастролям, книгам, фильмам и бесподобной своей интуиции сумел объять мир искусств XX века? Отчего, все реже, из-за болезней своих, посещая театры, он

столь многое понимал, знал меру и цену происходящему и с острой тревогой соучастника судил о современных процессах?

Ему дано было все наблюдать словно с птичьего полета, свободно, масштабно, не отрываясь при этом от земли, не теряя из виду теплых мелочей жизни. Просматривая век насквозь, он различал то, что скрыто от беглого или узкого взгляда — истоки и линии движений, сближения и расхождения, общие мотивы и неповторимость фигур. Век он воспринимал целостно, как сложный и единый организм, и главной страстью его было эту целостность угадать, воссоздать, сообщить другим. Оттого так обширна география его

поисков, так много героев и так неожиданные пути к ним.

В ранней книге своей "Жан Вилар и другие" (1964) он заявил о методе, приоткрыл свою лабораторию, представив зарубежный послевоенный театр с тем новым и ценным, что в нем появлялось, от Вилара и Брехта до молодой английской режиссуры.

Затем героем его — до конца дней — стал Чехов как ключевая фигура столетия, самый близкий художник. Первым среди равных представлен он в "Очерках истории драмы 20 века" (1979), в кругу могучих современников своих и тех, кто пришел позднее. В следующей книге, "Театр Чехова и его мировое значение" (1988), — как основатель новой театральной системы, той, что пришла на смену Шекспиру. В удивительных этих книгах — глубина и высота взгляда, богатство живых наблюдений и благородная простота стиля. Оттого люди театра, скептически относящиеся к академизму, так упоенно читают очерки его, ставшие классикой науки, — "Время в пьесах Чехова", "Пространство в пьесах Чехова", — и принимают, как руководство к действию, его особый, художественный академизм.

Зингерман, как видно, был и человеком науки, и человеком театра — по редкому дару не только анализировать и обобщать, но и переживать искусство, и заражать этим переживанием других. Не забыть, с каким волнением, с каким острым чувством причастности читали мы "Случай "Трехгрошовой оперы" Брехта, где было все: и напряженное, опасное время, и зримый до деталей спектакль, и — поверх всего — волшебство нового, на глазах рождавшегося искусства.

Зингерман был таким и от природы, и от времени, подарившего ему фантастическое богатство театра, возможность свободной мысли, и от учителей, старших товарищей своих, для которых живое вещество искусства было важнее всего.

Но и театра становилось мало для него. Мир Зингермана — это расширяющаяся вселенная, вбирающая в себя не только пространство и время, но опыт разных искусств. В институте, где он работал, царили многие музы, и Зингерман стал их неутомимым служителем. Последняя его книга была названа так: "Парижская школа. Пикассо. Модильяни. Сутин. Шагал" (1993). Измена? — Ничуть; развитие не мешало его постоянству, новая любовь к Пикассо — вечной любви к Чехову. Недаром оба они — в равной мере герои последней его, опубликованной в журнале "Театр" работы.

Человек чрезвычайно артельный (если употребить чеховское слово), Зингерман неустанно приобщал к своей вере других. Отсюда — длинная череда сборников о современном зарубежном искусстве, которые он придумывал, собирал, редактировал — составила уже целая библиотека из полутора с лишним десятка томов, живая история искусств. И его начинание 90-х годов, альманах "Мир искусств", где так привольно чувствовали себя история и теория, Восток и Запад, искусство экрана и сцены, музыка и то, что мы объединяем под словом "изо". А первый выпуск этого фундаментального издания (и в этом — тоже весь Зингерман) открылся юбилейной подборкой в честь Таганки, любимого его театра. Четвертый выпуск выйдет уже без него, хотя сигнальный экземпляр он все-таки успел прочитать.

Без него — звучит опасно и странно. Мы слишком привыкли к тому, что рядом есть этот мудрец, которому во всем веришь. Особый мудрец, не терпевший никакой иерархии, равно открытый для академика, "звезды" сцены и аспиранта. Человек неаигранной простоты, неистребимого (одесского!) юмора и неистраченной нежности, сквозившей во всем.

Бедой от нежного сердца; от него он и умер. Великий ученый, не имевший никаких академических званий, не удосужившийся защитить докторскую диссертацию. Впрочем, зачем? У него было свое звание: Борис Зингерман.

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА

Б.Зингерман. "Время в пьесах А.П.Чехова"